

ДЕТИ И ВОЙНА

*"Над проселочной дорогой
Пролетали самолеты...
Мальчуган лежит у стога,
Точно птенчик желторотый.
Не успел малыш на крыльях
Разглядеть кресты паучьи.
Дали очередь – и взмыли
Вражьи летчики за тучи..."*

Д. Кедрин

В тот далекий летний день 22 июня 1941 года люди занимались обычными для себя делами. Школьники готовились к выпускному вечеру. Девчонки строили шалаши и играли в "дочки-матери", непоседливые мальчишки скакали верхом на деревянных лошадках, представляя себя красноармейцами. И никто не подозревал, что и приятные хлопоты, и задорные игры, и многие жизни перечеркнет одно страшное слово – война. У целого поколения, рожденного с 1928 по 1945 год, украли детство. "Дети Великой Отечественной войны" – так называют сегодняшних 59-76-летних людей. И дело здесь не только в дате рождения. Их воспитала война.

Восьмого сентября гитлеровские войска захватили город Шлиссельбург у истока Невы и окружили Ленинград с суши. Началась 871 – дневная блокада города на Неве. Единственной дорогой в осажденный город было малоизученное Ладожское озеро. Из Ленинграда по воде было эвакуировано 33 479 человек, но навигация была смертельно опасна. Частые налеты вражеской авиации и непредсказуемые осенние штормы делали каждый рейс подвигом.

Из воспоминаний Валентины Ивановны Потарайко: "Мне было 5–6 лет. Из блокадного Ленинграда нас эвакуировали в Пермскую область. Везли через Ладогу, где мы попали под бомбежку. Много детей тогда погибло, а кто выжил, натерпелся страха и ужаса. На Урал нас везли в товарных поездах вместе со скотом. На какой-то небольшой станции фашисты разбомбили поезд, загорелись вагоны. Все вокруг смешалось: метались из стороны в сторону люди, плакали дети, ржали лошади, мычали коровы, визжали свиньи. Мою старшую сестру Нину осколком ранило в лицо. Из ушей и раздробленной челюсти хлестала кровь. Средней сестре Тамаре пули попали в ногу, мать была смертельно ранена. На всю жизнь я запомнила эту картину. С убитых снимали теплую одежду и обувь, а потом их сваливали в общую могилу. Я кричала: "Дядя, не надо мою маму!" Сестер увели, чтобы оказать им медицинскую помощь, а я сидела возле матери, которую положили на опилки. Дул сильный ветер, опилки засыпали ее раны, мама стонала, а я вычищала ей раны и просила: "Мама, не умирай!" Но она умерла. Я осталась одна".

Война отучила этих детей плакать. Вспоминает Валентина Ивановна: "Когда наш эшелон разбомбили второй раз, мы попали в руки немцев. Фашисты выстраивали детей отдельно, взрослых отдельно. От ужаса никто не плакал, смотрели на все стеклянными глазами. Мы четко усвоили урок: заплачешь – расстреляют. Так на наших глазах убили маленькую девочку, которая кричала без остановки. Немец вывел ее из шеренги, чтобы все видели, и пристрелил. Все поняли без переводчика – плакать нельзя". Вот так просто угасали жизни. Фашистские нелюди стреляли в детей ради забавы, чтобы посмотреть, как ребятки в страхе разбегаются, или выбирали себе живую мишень, чтобы поупражняться в меткости. Ведь ребенок не может работать, пользы от него никакой, значит, можно убивать безнаказанно. Хотя в лагерях находилась работа и для детей. Например, выносить человеческий пепел из крематория и зашивать его в мешки, чтобы потом этим прахом удобрять землю. Заключение в лагерях дети были донорами крови для немецких солдат. А как цинично их "сортировали" на пригодных и непригодных к работе. Вышел ростом, дотягиваешься до нарисованной на стене барака линии - будешь служить "великой Германии", ниже необходимой отметки – отправляйся в печь. И отчаянно тянулись вверх ребята, становились на носочки, казалось, обманут, останутся в живых, но беспощадной машине рейха малыши не нужны, она пустит их в топку, чтобы наращивать и наращивать обороты.

○ Теряли родителей, братьев и сестер. Иногда напуганные дети по нескольку дней сидели рядом с холодными телами погибших матерей, ожидая решения своей участи. В лучшем случае их ждал советский детдом, в худшем – в фашистские застенки. Но многие боролись с фашизмом с оружием в руках, становясь сыновьями и дочерьми полков. Вспоминает Николай Пантелеевич Крыжков: "Наш детдом в Сталино эвакуировали, когда немцы уже стояли на подступах к городу. Мне было 11 лет. Из Сталино детдомовцы помогали гнать скот. По дороге у нас забирали лошадей, коров для армии и постепенно все разбрелись кто куда. Зимой я скитался по степям, промышлял на железной дороге, так добрался до Сталинграда. Осенью 1942 года меня приютили солдаты 1095-го артиллерийского полка, накормили, отмыли, обогрели. Командир части несколько раз отправлял меня, но я снова возвращался. И тогда комбат Виктор Веприк приказал зачислить меня в штат и поставить на довольствие. Так и остался я до конца войны сыном полка 150-й Севастопольской орденов Суворова и Кутузова пушечно-артиллерийской бригады 2-й гвардейской армии, прошел от Сталинграда до Восточной Пруссии, участвовал в боях на Саур-Могиле, ходил в разведку и корректировал огонь в Севастополе, Кенигсберге, Пилау. В Белоруссии под Шауляем был ранен осколками снаряда и направлен в парковый взвод. Дети в блокадном Ленинграде собирают пулемёты. Пришел туда – немецкий автомат через плечо, два диска к нему в вещмешке лежат, в рукавичках – гранаты, под рубашкой "Парабеллум" спрятан. Вот такое было у меня вооружение". Николай Пантелеевич удостоен ордена Отечественной войны 2-й степени, медалей "За боевые заслуги", "За взятие Кенигсберга", благодарности командира за взятие Севастополя. В наградном листе отмечено, что Коля Крыжков выполнял обязанности разведчика-артиллериста, выявлял цели противника, приходил из разведки невредимым и с ценными сведениями, которые помогали выполнять боевые задания. А ведь в 1945 году ему исполнилось лишь 14 лет. До войны Николай Пантелеевич закончил всего 3 класса, и снова пошел в вечернюю школу уже в 25-летнем возрасте. Был заместителем начальника группы "Поиск", собирал материалы для "Книги Памяти". Сейчас хотел бы поехать в Москву на встречу с ветеранами 2-й гвардейской армии, но проездные дают только по территории Украины.

○ Детство поглотила война, юность – послевоенная разруха и голод. "Нас постоянно перебрасывали из одного детдома в другой, – рассказывает Валентина Ивановна, - Володинский, Усольский, Касибский Два года – 1946-1947 гг. я не знала вкуса хлеба. Во время этого ужасного голода норма была такой: завтрак и ужин – по 100 граммов хлеба, обед – 200. Но и эти крохи всегда отбирали ребята посильнее. Я ела только кашу и суп, заправленный ложкой рыбьего жира. Детдомовцы часами стояли в магазинах и ждали, когда продавец даст им горсточку хлебных крошек, которые оставались после нарезки".

○ Именно эти дети во время войны восстанавливали разрушенное хозяйство, в 12 лет становясь у станков на заводах и фабриках, работая на стройках. Воспитанные трудом и доблестью, они рано взрослели, заменяя погибших родителей своим братьям и сестрам.

Дети блокадного Ленинграда

Александр Фадеев в путевых заметках "В дни блокады" писал: "Дети школьного возраста могут гордиться тем, что они отстояли Ленинград вместе со своими отцами, матерями, старшими братьями и сестрами. Великий труд охраны и спасения города, обслуживания и спасения семьи выпал на долю ленинградских мальчиков и девочек. Они потушили десятки тысяч зажигалок, сброшенных с самолетов, они потушили не один пожар в городе, они дежурили морозными ночами на вышках, они носили воду из проруби на Неве, стояли в очередях за хлебом... И они были равными в том поединке благородства, когда старшие старались незаметно отдать свою долю младшим, а младшие делали то же самое по отношению к старшим. И трудно понять, кого погибло больше в этом поединке".

Когда замкнулось блокадное кольцо, в Ленинграде оставалось помимо взрослого населения 400 тысяч детей – от младенцев до школьников и подростков. Естественно, их хотели сберечь в первую очередь, стремились укрыть от обстрелов, от бомбежек. Всесторонняя забота о детях и в тех условиях была характерной чертой ленинградцев. И она же давала особую силу взрослым, поднимала их на труд и на бой, потому что спасти детей можно было только отстояв город

- У них было особое, опаленное войной, блокадное детство. Они росли в условиях голода и холода, под свист и разрывы снарядов и бомб. Это был свой мир, с особыми трудностями и радостями, с собственной шкалой ценностей. Откройте сегодня монографию "Рисуют дети блокады". Шурик Игнатъев, трех с половиной лет от роду, 23 мая 1942 года в детском саду покрыл свой листок беспорядочными карандашными каракулями с небольшим овалом в центре. «Что ты нарисовал!» – спросила воспитательница. Он ответил: "Это война, вот и все, а посередине булка. Больше не знаю ничего". Они были такими же блокадниками, как взрослые». И погибали так же.
- Единственной транспортной магистралью, связывающей город с тыловыми районами страны, стала "Дорога жизни", проложенная через Ладожское озеро. За дни блокады по этой дороге с сентября 1941 года по ноябрь 1943 года удалось эвакуировать 1 миллион 376 тысяч ленинградцев, в основном женщин, детей и стариков. Война разбросала их по разным уголкам Союза, по-разному сложились их судьбы, многие не вернулись обратно.

Сотни юных ленинградцев были награждены орденами, тысячи – медалями «За оборону Ленинграда». Через всю многомесячную эпопею героической обороны города они прошли как достойные соратники взрослых. Не было таких событий, кампаний и дел, в которых они не участвовали. Расчистка чердаков, борьба с "зажигалками", тушение пожаров, разборка завалов, очистка города от снега, уход за ранеными, выращивание овощей и картофеля, работа по выпуску оружия и боеприпасов – всюду действовали детские руки. На равных, с чувством исполненного долга встречались ленинградские мальчики и девочки со своими сверстниками – "сыновьями полков", получившими награды на полях сражений.

**Спасибо за
внимание.**